

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИКИ МАМОЧКИ: ОТ ЖЕНЫ ДО ПУШКИ

*М. А. Кронгауз^{1, 2}, К. С. Клокова³
В. А. Шульгинов^{1, 3}, Т. А. Юдина³*

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, 109028, Покровский бульвар, д. 1

² Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, Москва, 125047, Миусская площадь, д. 6

³ Московский физико-технический институт,
Россия, 141701, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., д. 9

Поступила в редакцию 19.05.2023 г.
Принята к публикации 10.07.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-6

В семантической теории Г. Фреге содержание языкового знака определяется связью между денотатом и набором субъективных представлений, формирующим смысл. Наше исследование направлено на то, чтобы на примере термина родства «мамочка» выявить влияние индивидуальных представлений о денотате на расширение семантической структуры слова. В качестве материала статьи используются случаи вторичного употребления слова «мамочка» в художественных и интернет-текстах, время создания которых охватывает период с 1840-х по 2010-е годы. Общий объем собранного и размеченного корпуса составил 2192 случая, в том числе 362 примера вторичного употребления. Каждый пример был размечен по типу употребления (апеллятивное (обращение), референтное или междометное употребление, первичное или вторичное), для вторичных был обозначен тип денотата.

В результате исследования описана семантическая структура слова «мамочка», включающая в себя общие значения для апеллятивных и референтных употреблений (жена; женщина, выполняющая функции матери; женщина с маленьким ребенком), а также значения, уникальные для каждого типа (хорошая знакомая; мужчина; неживой объект; хозяйка животного). Выявлены системные связи между значениями, динамика их трансформации в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: термины родства, семантика, прагматикализация, вторичное употребление, апеллятивы, денотат

1. Введение

В семантической теории Г. Фреге содержание языкового знака определяется его связью с двумя различными по своей природе сущностями: с одной стороны, это денотат, или «сама вещь», с которой соотносится знак и которая является максимально объективной его презентацией; с другой — это представления о денотате, которые представляют собой часть уникального опыта для каждого человека — открытое множество различных (в том числе художественных) интерпретаций. Как отмечает Фреге, из субъективности представлений (или, в его тер-

минологии, «внутреннего образа») «проистекает многообразие различных представлений, сопряженных с одним и тем же смыслом», в то же время «представление существенно отличается от смысла знака, который может быть общим достоянием, а не просто частью опыта одного человека» (Фреге, 1997, с. 356). Таким образом, смысл захватывает существенный фрагмент поля субъективных представлений, которые репрезентируют общий опыт человечества, что обеспечивает одну из основных функций языка — служить инструментом накопления знаний и передачи его от поколения к поколению.

В нашем исследовании мы попытаемся показать на примере одного слова, как соотносятся в семантике субъективное и общее. В качестве такого примера мы выбрали слово *мамочка*, относящееся к терминам родства. Основным семантическим признаком данных лексем является их релятивная природа: они не только называют денотат (как, например, названия профессий), но также и репрезентируют родственную / семейную связь между двумя актантами, одним из которых зачастую оказывается сам говорящий. Это позволяет характеризовать термины родства как «слова-отношения» (Бурас, Кронгауз, 2013), семантика которых в позиции обращения модифицируется определенным образом — семантические актанты замещаются говорящим и адресатом. Термины родства также получают широкое распространение в своем вторичном употреблении, когда говорящий и адресат не состоят в родственных отношениях, а возможно, и вовсе незнакомы. Это в первую очередь касается терминов близкого родства и почти не относится к так называемым терминам свойства (тесть, свекровь и т.п.). Ядром этой системы оказываются слова, связанные со смыслом «быть родителем», то есть *отец*, *мать* и все возможные варианты.

В ходе ряда лингвистических и антропологических исследований, проведенных на материале дагбани (Salifu, 2010), китайского языка (Kinnison, 2017), африканских языков (Fashola, 2014), были выявлены общие закономерности развития вторичных значений у терминов родства, в основе которого чаще всего лежит метафорический перенос идеи солидарности / близости между кровными родственниками одного поколения (брат, сестра) на отношения с собеседником, находящимся вне семейного круга. Это сближает термины родства с показателями вежливости, направленными на поддержание чувства доверительности и открытости с собеседником. На материале русского языка анализ вторичного использования терминов родства в основном встречается в работах, которые посвящены описанию более комплексных проблем — описанию семейного этикета в статье М.М. Бурас и М.А. Кронгауза «Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика» (2013) и в разделе «Системы и термины родства» учебного пособия Е.В. Перехвальской «Этнолингвистика» (2016).

Механизм вторичного употребления терминов родства отчасти сходен с процессом прагматикализации лексем, который определяется как «переход грамматически и лексически полнозначной единицы на коммуникативный уровень, при котором, с одной стороны, происходит (полностью или частично) стабилизация ее определенной формы, де-

семантизация (утрата лексического значения) и обрыв синтаксических связей, а с другой — приобретение той или иной прагматической функции» (Сулимова, 2019, с. 448). Различные аспекты прагматикализации рассматриваются в ряде исследований на материале дискурсивных слов: *то бишь* (Шилихина, Ткач, 2020), *счастливо* (Бобрик, 2021), *самый* (Сяоли, 2022), конструкций с предлогом *по* (Виноградова, 2023). Стоит отметить, что при вторичном употреблении терминов родства наблюдается частичная десемантизация слов, которая зачастую определяется изменением денотата. В то же время отдельные части значения, наоборот, усиливаются и становятся основой для метафорической проекции семейных связей на отношения с собеседником.

Далее мы представим словарные дефиниции слова *мамочка*, опишем структуру нашего датасета и принципы разметки данных, а также проанализируем пути расширения значения слова и социокультурные факторы, определяющие этот процесс.

2. Определения в словарях

Система терминов родства в русском языке представляет собой структуру веерного типа, в которой в качестве ядра выступают референтные лексемы, служащие для называния людей (мать, отец, дочь, сын и пр.), а периферию составляют стилистические варианты, обычно выступающие в апеллятивной функции (*мать* → *мамочка*, *матушка*, *мамушка*, *маменька*, *мамуля*, *мамуся*, *мамсик*, *мамаша*, *маманя* и пр.). При этом референтные термины родства носят в языке достаточно устойчивый характер и представляют собой нейтральные и общеупотребительные лексемы, в то время как апеллятивные номинации подвижны в своих границах — новые обращения постоянно появляются в семейном общении, они экспрессивны, зачастую относятся к разговорной речи (или даже просторечию) и могут достаточно быстро устаревать. Между этими типами не существует четкой границы, в частности лексема *мамочка* типологически принадлежит к апеллятивным терминам родства, но, как показывает наш материал, достаточно активно используется и в референтной функции. Кроме того, даже среди апеллятивов прослеживаются некоторые ядерные и периферийные системы: так, в словаре Ушакова определение слов *мамуля*, *мамуня*, *мамуся* и *мамонька* дается через отсылку к значению слова *мамочка*, которое представляет собой интегральную номинацию для этой группы (Толковый словарь русского языка, 1940).

В качестве основных словарных дефиниций слово *мамочка* можно выделить три определения.

Во-первых, «ласковое название матери», которое отмечено в словарях Ушакова, Кузнецова, Евгеньевой (МАС), Шведовой (в последнем случае данное слово помещено в раздел «Фамильярные, дружеские, ласковые обращения»).

Во-вторых, менее очевидное «ласково-фамильярное обращение к мужчине и женщине», которое обозначено во всех перечисленных выше словарях в качестве второго, а в одном из самых современных — словаре Ефремовой (Ефремова, 2000) — первого значения (при этом

второе значение в словаре Ефремовой «ласк. к сущ. *мама*» имеет помету «разговорное»). Мы все же склонны считать, что использование лексемы *мамочка* как общего по отношению к мужчинам и женщинам обращения связано с расширением компонента значения «ласковый / ласкательный» и носит переносный характер. В большинстве словарей данное значение сопровождается пометами о его фамильярности (Толковый словарь русского языка, 1940; Большой толковый словарь русского языка, 1998; Словарь русского языка, 1984; Ожегов, Шведова, 1997), устаревшем характере (Толковый словарь русского языка, 1940; Словарь русского языка, 1984; Ожегов, Шведова, 1997), а также просторечности употребления (Словарь русского языка, 1984).

Интересно, что в «Толковом словаре русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина данная дефиниция отсутствует вовсе, а в качестве второго значения указывается «возглас, выражающий сильные эмоции (удивление, ужас, боль и т. п.)» (Толковый словарь, 2014). Это же значение, правда, по отношению к форме множественного числа (*мамочки*), можно обнаружить и в словаре МАС, а также в словаре Шведовой. Стоит отметить, что междометная функция наряду с апеллятивной и референтной представляет третий, наиболее десемантизированный тип употребления терминов родства (другой пример — *батюшки*). Таким образом, в качестве основных семантических признаков слова *мамочка* можно выделить:

1. Название матери, которое сопровождается выражением ласкового отношения.
2. Обращение к женщине или мужчине, которое несет ласковый, но фамильярный оттенок.
3. Междометная функция, выражение сильных эмоций.

При рассмотрении материала в диахронической перспективе набор дефиниций может быть расширен определениями из словаря Даля (1911):

- 1) родительница;
- 2) (местами употребл. вм. мать), кормилица, женщина, кормящая грудью не свое дитя;
- 3) старшая няня, род надзирательницы при малых детях;
- 4) детское ласкательное название матери;
- 5) мамочка (юж.), говор. ласк. вм. *милая моя, голубушка, сударыня*.

Как мы видим, в словаре Даля обозначен перенос номинации на женщин, выполняющих роль матери, но не имеющих отношений кровного родства с адресатом (в словаре Ушакова для обозначения такого типа отношений используется лексема *мамка*), а также отражен «детский» статус говорящего при использовании слова в значении «название матери».

3. Методика сбора данных и статистические характеристики

В качестве материала для исследования мы использовали примеры из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>), в котором на 11 мая 2023 г. было выявлено 3970 случаев вхождения слова *мамочка*. Процесс разметки представляет

собой достаточно трудоемкий процесс — ассессорам необходимо обращаться к широкому контексту для верификации отношений между говорящим и объектом номинации и правильного тегирования каждого словоупотребления. В связи с этим мы решили сократить выборку, сохранив баланс распределения текстов в хронологическом аспекте.

Для этого мы разбили полученные данные по десятилетиям, причем, если период создания текста приходится на два периода (например, 1956—1962 годы), мы учитываем дату завершения создания текста (в нашем примере это 1960-е), что позволяет нам принять во внимание возможные корректировки, внесенные автором непосредственно перед публикацией. В процессе разметки данных в пределах каждого из десятилетий мы руководствовались следующим принципом: если общее количество примеров составляло не более ста вхождений, то была проведена сплошная разметка (как, например, для десятилетий до 1900 года); в противном случае мы отбирали долю вхождений, пропорциональную объему данных соответствующего десятилетия в основном подкорпусе). Таким образом, в итоговую выборку вошел 2191 пример. Объем получившейся выборки в сравнении с основным подкорпусом представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Распределение количества вхождения слова «мамочка» по десятилетиям в основном подкорпусе НКРЯ и в размеченной выборке

Процедура разметки включает в себя следующие этапы: для каждого вхождения слова *мамочка* определяется тип употребления (обращение, референтное, восклицание или междометие). Затем для обращений и референтных определяется подтип употребления — первичное или вторичное. Первичное употребление предполагает использования слова *мамочка* в качестве обращения к собственной матери, а также референтное употребление при упоминании родной матери для того персонажа, с чьей перспективы ведется повествование (иногда им выступает лирический герой автора). Все остальные виды употреблений относятся ко вторичному типу и предполагают использование слова *мамочка* в переносном значении. Статистическое распределение по количеству типов и подтипов вхождений можно увидеть в таблице.

Таким образом, в нашей выборке было выявлено 362 случая вторичного употребления слова *мамочка* в художественных и, частично, интернет-текстах, время создания которых охватывает период с 1840 по 2010 год.

Типы употреблений в размеченной выборке

Тип употребления	Подтип употребления	Количество вхождений
Обращение	Первичное	1008
	Вторичное	138
Референтное	Первичное	713
	Вторичное	224
Восклицание или междометие		109

4. Общие значения для апеллятивных (обращений) и референтных употреблений

Жена

Одним из типичных случаев употребления слова *мамочка* во вторичном значении является ситуация обращения мужа к своей жене. В большинстве случаев такое использование лексемы является следствием регулярного прагматического сдвига, который происходит в семейном общении при появлении детей. Как отмечается в статье, посвященной анализу обращений в русском семейном этикете, для мужской речи наиболее характерным является сдвиг при обращении к жене: «в этом случае используется обращение *мать* (однократно зафиксировано обращение *мамочка*)»¹ (Бурас, Кронгауз, 2013, с. 129).

В нашем исследовании *мамочка* как обозначение жены встречалось гораздо чаще: 43 вхождения употребления слова *мамочка* в апеллятивной функции и 189 – в референтной. Таким образом, соотношенность *мамочки* с женой оказывается значительно чаще, чем ее соотношенность с другими женщинами, что позволяет выделить ‘жена’ в отдельное значение.

(1) **Мамочка**... ангел! – принялся я от восторга обнимать жену (А.П. Чехов. Оба лучше (1884 – 1885)).

(2) И что же – никакого сравнения!.. – А где это ты там «Каберне» заказывал в Туле? – спросила его жена. – Можно узнать?.. – В гостинице, **мамочка!** – развел он руками. – Заказчики с завода в ресторан повели!.. – Заказчики с завода? – переспросила она. – Так вот, читать это лишнее! – напомнил Лазарев (Б.Е. Клетинич. Мое частное бессмертие (2015)).

(3) Я хотел лечь спать, но увлекся чтением книги Фёдорова «Генерал Доватор» и читал до 2-х часов ночи, а **Мамочка** пришла в начале четвертого часа утра (С.Д. Грамматин. Дневник (1951)).

¹ Здесь и далее все цитаты даны в современной орфографии.

Примеры (2), (3) демонстрируют, что наличие детей является не единственным фактором, влияющим на выбор данного апеллиатива при обращении к жене. Лексема *мамочка* также может быть маркером близкого общения, что обеспечивается семантикой суффикса *-очк-*. В дневнике С. Д. Грамматина *Мамочка* используется по отношению к жене регулярно и переходит в разряд прозвищ.

Переход номинации в разряд устойчивых именованных людей зафиксирован и в повести «Республика ШКИД», где герой Костя Федотов получает прозвище *Мамочка* в связи с тем, что часто произносит фразу «Ой, мамочки». На наш взгляд, такая фразеологизация лексемы приводит к утрате непосредственного обозначения отношений между говорящим и адресатом, однако вопрос о полной десемантизации слова остается открытым.

Женщина, которая выполняет отдельные функции матери

Еще один тип вторичного использования слова *мамочка*, встречающийся как позиции обращения, так и в референтном употреблении, связан с номинацией женщины, которая выполняет функции матери для адресанта или персонажа, но при этом не состоит с ним в отношениях кровного родства. Выделяются случаи такого обращения к мачехе или возлюбленной отца:

(4) Потом она спросила: — Можно я буду тетю Олю мамой называть, пока я здесь? — Можно. И только и слышалось: «**Мамочка, мамочка!**», «Папочка! Папочка!» — на два голоса. Поначалу было не все так просто. — Папа, а тетя Оля твоя жена? (Д. Каралис. Автопортрет (1999)).

Внутрисемейный перенос другого рода наблюдается при общении одного из супругов в общении с родителями другого, когда также используется термин кровного родства (правда, чаще *мама*, чем *мамочка*). В качестве примера можно упомянуть использование номинации *мамочка* невесткой по отношению к свекрови (возможно с добавлением притяжательного местоимения при общении с мужем — *твоя мамочка*):

(5) — Да мне нельзя — пост... — А что можно? — Ничего нельзя. — **Мамочка**, нехорошо... Мед — это не мясо, не сыр, а? Ну немножечко, дорогая? Старуха, съездившись, краем ложечки прихватила каплю меда (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002)).

К другой группе относятся внесемейные отношения, связанные с опекой и заботой, когда в качестве объекта номинации выступают опекун, учительница в приютах и детских домах. В обоих случаях говорящими являются дети, которые вступают в коммуникацию со взрослыми в ситуации «снизу вверх».

(6) А зашли бы, узнали, как сами дети относятся к своему Дому, к своим учителям, многих из них они называют «**мамочка**» (Л. Лаврова. Лишние (1999)).

Обращение *мамочка* может использоваться и взрослыми в условиях, когда статус женщины оказывается институционально подкреплён. Это может быть больница, дом престарелых или другое место, в котором существует женская фигура, обеспечивающая заботу или занимающаяся частью оперативно-хозяйственной деятельности:

(7) На этих словах мое сердце, как чугунная баба, бухает в ребра. Я никак не могу взять в толк, что же мне надлежит ждать еще. У этих двоих — свои дела. — Про погост — это вы, **мамочка**, о себе так можете говорить. (Профессор, обиженной скороговоркой.) (М. Палей. Дань саламандре (2008)).

Для внутрисемейных отношений важен формальный статус «новой матери». Для внесемейных отношений важен не столько формальный статус, сколько проявление заботы, опеки и покровительства в целом. Следующий пример является мостиком между этими двумя группами. Здесь речь идет о приемной матери, и не столь важно закреплён ли этот статус юридически или она выполняет функции.

(8) Но Муся, по простоте не вникая в сложную историю старых отношений, кинулась Римме на шею, едва та переступила порог. И, вспыхивая, рассказала, как Яков был тогда на работе и как **мамочка** (так она называла Рахиль) вдруг взялась за сердце и повалилась прямо на кухонный стол (И. Ратушинская. Одесситы (1998)).

Женщина с маленьким ребенком и беременная женщина

Во всех обнаруженных нами случаях (8 вхождений) обращение *мамочка* используется в условиях коммуникации врача или другого медицинского работника с беременной женщиной, роженицей или недавно родившей, а также в ситуации общения молодых матерей и беременных женщин на тематических форумах.

В случае референтного использования (27 вхождений) это также ситуации коммуникации с врачами, в роддоме и в статьях на данную тематику. Таким образом подчеркивается будущий или только что обретенный статус родителя:

(9) Потому что приезжают врачи — два веселых толстых доктора с мягкими руками. Они мнут Гуль живот, поворачивают ее, а потом говорят: «Госпитализируем, собирайтесь. Все собрано? Молодцом, **мамочка!**» Один из них заворачивает Гуль в теплый плед, и Гуль на носилках уносят из дома. А Мира, прежде чем переступить порог, оглядывает комнату еще раз. И спохватывается (Д. Сабитова. Где нет зимы (2011)).

(10) Точно моя. Я ее видела, наверху, а может, не моя, у меня зрение минус два, я могла перепутать. Там надписи были мелкие. — Ольга пыталась объяснить, но по выражению лица медсестры видела, что та считает, что **мамочка** не в себе (М. Трауб. Ласточ...ка (2012)).

Первое употребление слова *мамочка* на родительских форумах фиксируется в нашей выборке только в 2004 году, что говорит о процессах расширения значения в последние десятилетия:

(11) Ах, любимая **мамочка**, спасибо огромное за такие теплые слова:) Мне так приятно:) Наверное только у меня не всегда получается быть с большой буквы:) Но я стараюсь, правда:) А еще безумно хочется, чтобы мой ребенок, когда вырастет, сказал мне что-то подобное:) tanya_j, 2004.04.05 05:19. Просто супер! (с транслита) (Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)).

Возможно расширение по возрасту, то есть слово *мамочка* может использоваться школьными учителями по отношению к женщинам, которые активно отстаивают интересы своих детей. Расширение по возрасту возможно вследствие чрезмерной активности женщин, что подчеркивает несамостоятельность их детей. Такие употребления, по видимому, всегда ироничны, поэтому едва ли могут использоваться в качестве обращений.

(12) Пуччини переписан и сдан в переплет. Работаю над «Венявским». С квартирой — мертвое затишье. Приходила какая-то **мамочка** просить, чтобы я учил её сына для поступления в Училище (В. А. Швец. Дневник (1964)).

(13) Марина Николаевна уточнила, сколько будет стоить ее полутора-часовое занятие. Родительница начала было торговаться, но Марина Николаевна оставалась непреклонной: «Как хотите. Меньше я не могу». **Мамочка** вздохнула и согласилась (А. Н. Бузулукский. Учительницы (2015)).

Ключевой здесь является фигура ребенка, который, возможно, еще не родился, но позволяет определить женщину как мать. Статус ребенка — младенец (или «как бы младенец») — также важен, потому что благодаря нему используется не слово *мать*, а детское слово *мамочка*.

5. Значения, характерные только для апеллятивных употреблений (обращений)

Хорошая знакомая

В ряде случаев лексема *мамочка* применяется исключительно в функции апеллятива и не употребляется в референтной позиции. Один из типичных случаев — использование данной лексемы при обращении к женщинам разной степени знакомства, при этом она встречается как в речи женщин, так и речи мужчин. Мы выделяем несколько типичных случаев адресации для этой группы.

Во-первых, это ласковое и фамильярное обращение к знакомой женщине, и наличие у нее детей не является определяющим фактором.

(14) — А костюм привезли? — спросила я.

— Привезла, **мамочка**, привезла. Она со мной не церемонится.

Она обращается со мною как с подругой, что мне очень нравится (П. Д. Боборыкин. Жертва вечерняя (1868)).

(15) Как-то, лет десять тому назад, в Париже я был в русском театре. В том же ряду, что и я, несколько в стороне, сидел пожилой драматург, автор нескольких пьес, в том числе одной, давшей ему всероссийскую известность, хотя это и плохая пьеса. Увидев знакомую молодую даму тремя рядами по-

зади, он зычно, во всеуслышание к ней обратился: — **Мамочка!** А, **мамочка!** Был я вчера у таких-то на блинах. Слышите, а? (Г.В. Адамович. Мои встречи с Алдановым (1960)).

Во-вторых, часто фамильярное обращение к женщине со стороны мужчины связано с заигрыванием и носит характер филътра.

(16) — Послушайте, Александр Петрович... — сказала она ему строго. — Как вам не совестно! Вы женатый человек... у вас взрослый сын! — Вот это и пикантно, **мамочка!** — спаясничал Назаров. — Оставьте! Такие шутки меня оскорбляют! Какое вы имеете право, вот уже второй месяц, приставать ко мне с подобными намеками?! (С. А. Гарин. Червем ползущие (1911)).

(17) Лицо его сияло удалью и радостию. Холодный ответ Марьяны, видимо, поразил его. Он вдруг нахмурил брови. — Становись в стремя, в горы увезу, **мамочка!** — вдруг крикнул он, как бы разгоняя дурные мысли и джигитуя между девок. Он нагнулся к Марьяне. — Поцелую, уж так поцелую, что ну! Марьяна встретила с ним глазами и вдруг покраснела (Л.Н. Толстой. Казаки (1863)).

С некоторой долей условности сюда можно отнести примеры, в которых мать и отец используют обращение *мамочка* по отношению к своим дочерям. Таким образом, происходит отзеркаливание семейной иерархии с сохранением выражения расположенности к собеседнику. Это также можно назвать эхо-эффектом, обеспечивающим инверсию обращения, — феномен, известный во многих языках:

(18) [Лидия Николаевна (жен, 46, 1944–1953)] Неужели вы ничего даже не слышали? Весь Париж стоял в очереди за билетом! Лара, ты не помнишь, куда у меня делись французские деньги? У тебя их украли, **мамочка**. Ах, да. Но я, знаете ли, Жан, никогда не страдала сребролюбием. Любовь и искусство — выше денег, не правда ли, господа? (Л.Н. Разумовская. Французские страсти на подмосковной даче (1990–1999)).

(19) **Мамочка**, да я сам рад, что меня не бьют, — жалобно ответил отец (А.К. Шеллер-Михайлов. Под гнетом окружающего (1886)).

Таким образом, нейтральность, или даже уместность, данного обращения по отношению к знакомой зависит от степени социальной или эмоциональной близости между адресантом и адресатом. В частности, такое обращение мужчины к женщине возможно только в ситуации близкого знакомства или как попытка резкого сокращения дистанции, своего рода заигрывание.

Мужчина

Обращение *мамочка* к мужчине или мальчику часто сопровождается покровительственной позицией и выражением добродушного отношения.

(20) А у меня, Алексей Федорович, к тебе просьба. Надо срочно обработать картограмму вчерашнего подрыва. — Не выйдет. — Отчего же, **мамочка?** — Девушек, касказать, нет. Все на работе, касказать, генерала. — Так уж и нет? (И. Грекова. На испытаниях (1967)).

(21) Ну, да ладно, попробую! Илья, однако, не решился говорить с самим командиром и отправился с этой просьбой к старшему офицеру. Тот после консульского обеда был сильно «под мухой», и потому долго не мог понять, в чем дело, но когда понял, то выпучил на Илью свои пьяные глаза и стал протестовать: — Что вы, **мамочка!**.. Да вы не рехнулись ли? Князя к вам вестовым? Да это вы что? (В.В. Сиповский (Василий Новодворский). Коронка в пиках до валета (1930)).

Кроме того, обращение *мамочка* может употребляться в семейном общении в качестве ласкового обращения жены к мужу.

(22) — Одного у нас, Витя, с тобою нет, право! Как бы это было, ты бы меньше скучал. — Что такое? — Детей, **мамочка!** Хотя бы одного в целую жизнь бог дал на радость! Рымов усмехнулся. — Ты бы, **мамочка**, очень его люби? (А.Ф. Писемский. Комик (1851)).

В данном случае речь идет о специфическом типе десемантизации, когда выпадает один из главных компонентов значения — гендер, а сохраняется лишь позитивное и отчасти покровительственное отношение. Стоит отметить, что для аналогичного слова *папочка* потеря признака гендера невозможна.

Близки к этому типу два трудно интерпретируемых примера. Они обнаружены в тексте, описывающем будничную жизнь в Одессе, где в качестве адресата выступают покупатели на рынке. По найденным примерам сложно сказать, употребляется ли это обращение к женщинам, или к мужчинам тоже; по-видимому, они относятся к любому покупателю — или шире — участнику коммуникации. Лексема служит инструментом сокращения дистанции, привлечения внимания и сохраняет семантику ласковости и фамильярности, что подтверждается появлением в контексте других ласковых слов — *птеник* или *рибонька*.

(23) Но вот из облака дыма появлялась сама тетя Утя. Официантка тетя Утя порхала между столиками. Она работала по принципу «Одна нога здесь — другая хромая», приговаривая: «Рыбки мои, щас всех обслужу, всех обсчитаю... Сейчас, **мамочка**, сейчас, птеник... Шоб вы все были здоровенькими... Шо ты мне суешь, а?..» — «Это долг с прошлого футбола!» — «Спасибо, деточка! Шоб мы все выиграли от этой жизни!..» (Р. Карцев. Малой, Сухой и Писатель (2000–2001)).

(24) Настоящие знатоки приходили в шесть-семь утра, делали обход, приценивались, потом начинали пробовать! — Женщина! Отведайте мою сметану! — **Мамочка**, рибонька, иди, я тебе даром отдам! — Смотри на мой мед! Хочешь сладкую жизнь? Она у меня! (Р. Карцев. Малой, Сухой и Писатель (2000–2001)).

Неживой объект

Еще одним редким случаем семантического опустошения обращения *мамочка* можно считать апелляцию к неживому объекту. В примере (25) таким предметом является пушка, к которой обращается герой в ожидании выстрела. Можно предположить, что такое употребление

мотивировано зависимой позицией говорящего по отношению к орудю — в этом случае основанием для переноса становится не только отношение родства, но и подчеркнуто высокий статус матери в семье.

(25) Там, в думе, сейчас бокалы поднимают за упокой революции. «Ура» кричат, сюда слышно. Гришка, слышим, шепчет: — Пикни, **мамочка**, пикни, родная моя! Ничего. Тихо, все замерло. Ударил колокол в соборе (Б. С. Житков. «С новым годом!» (1931)).

Подобный перенос встречается и среди референтных случаев употребления слова *мамочка*. Мы обнаружили два примера, где объектом номинации становится водка. Можно предположить, что в таких случаях имеет место перенос на объект таких свойств матери, как близость, душевность и теплота:

(26) Я не купил, хоть тогда еще были деньги: совестно было. — Буржуазные предрассудки... Да, может, здесь и не из Дворца, но только водка, понимаете ли? Водка-мамочка! Правда, не пять, а восемьдесят рублей бутылка, что значительно хуже. — Тащите! — сказал князь, махнув рукой. — Тащите! — решительно присоединился и Березин (М. А. Алданов. Бегство (1930)).

(27) Я лично наливаю себе высокую севастопольскую стопку водки на вишенках, ложу в овальный тазик осетра заливного и кучку хрена рядом, а также украшаю ломтик ситничка икоркой с маслом. Ну, все вроде и готово... Вокруг тоже идет сыр-бор... Грянули! Ах, вкусна, мамочка! И вдруг раздаётся тонкое шипенье. Все громче и сильнее оно, словно горит и приближается динамитный шнур. И — взрыв! (К. Сарнов (В. М. Галкин). Вечер Паши Мосина (1966)).

Основой для такого неожиданного переноса является эмоциональная связь с неживым объектом и, возможно, определенная зависимость от него. Таким образом, и здесь присутствует метафора, отличающаяся особой глубиной, что приводит к потере одного из основных семантических компонентов — 'существо'.

6. Значения, характерные только для референтных употреблений

Хозяйка животного

В ряде случаев вторичного референтного использования слова *мамочка* мы зафиксировали перенос отношений «мать — ребенок» на отношения «хозяйка — питомец» (в большинстве случаев это относится к владельцам собак). В размеченной выборке подобное референтное употребление встречается как от лица собаки (29), так и автора (28), а также самореференция хозяйки (30).

(28) Бо-бо был знаменит в узких кругах тем, что происходил из одного помета с собакой президента Барака Обамы. Во всяком случае, именно так утверждала его «**мамочка**», говорившая, что муж, который здесь бывает наездами, а постоянно проживает в Соединенных Штатах, там вхож в самые что ни на есть высокие круги (М. Полетика. Однажды была осень (2012)).

(29) Топси хотелось все рассказать про Лимонадова, да как скажешь, когда во рту тяжелая корзина с провизией и совсем не умеешь говорить по-человечески? Вилять хвостом?... Направо и налево?... Но это только Александр Иванович Куприн знает «пуделиный язык», а **мамочка** — та ничего не поймет» (П.Н. Краснов. Подвиг (1932)).

(30) Я юркнул в кусты, быстренько сделал все, что требовалось, зарыл, забросал все свежим песочком, отряхнул лапы, подмылся и только собрался было вылезать на свет Божий, как вдруг увидел поверх кустов пожилую даму в больших темных очках, которая говорила по-французски: — Лола, дорогая... Ну, сделай пи-пи!.. **Мамочка** умоляет тебя, Лола!.. Пис-пис, пис-пис... Ну, пожалуйста, Лола!.. (В. Кунин. Кыся (1998–2000)).

Здесь речь идет о перенесении человеческих отношений на отношения хозяйки и питомца: животное выступает в качестве безмолвного существа и является транслятором субъективной человеческой картины мира. В частности поэтому в нашем корпусе не удалось найти использования слова *мамочка* в позиции обращения от лица питомцев.

7. Сравнение и метафора

Отдельного внимания заслуживают конструкции и формальные приемы, преобразующие семантику *мамочки*. Безусловно, наиболее важным приемом является сравнительный оборот, подчеркивающий определенные характеристики матери — гиперопека, строгость, забота и т. п.

(31) Я тряслась над тобой, как **мамочка**. Но мне надоело, ты слышишь? Меня абсолютно не интересует эта твоя бумажная цапля, на которую ни один мужчина со вкусом даже не посмотрит. И знаешь, что это означает? (О. А. Славникова. 2017 (2017)).

(32) Если Зина сделает вид, что хамства не заметила, но станет говорить с ним как **мамочка**, все совсем плохо. Это значит, что она никогда не воспринимала его всерьез (Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая (2015)).

Следует также выделить формальные показатели осуществления переноса, своего рода операторы метафоры, например числительное *второй* или пунктуационный знак кавычки:

(33) Как трогательно! Как смешно! И какие перспективы открываются! Вот Зина-то моя, сердобольная сестренка, вторая **мамочка** моего Илюхи. Она же монашка. Она холодна и безжалостна на самом-то деле. Она любит идеи, как Руслан, но по-другому, по-женски (Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая (2015)).

(34) Ну, пресловутая «**мамочка**» — это ж наша Родина-мать, наша Раеюшка, которая вечно пугает то чумазым мужланом, то ГУЛАГом, то Сталиным, то Америкой, то западной бездуховностью, то красно-коричневую чумою... Все тут держится единственно на страхе (Д. Бавильский, И. Манцов. Инте-инте-интерес, выходи на букву «с» (2011)).

Отдельный интерес представляет конструкция с отрицательной частью, апеллирующая к отсутствию стереотипных материнских качеств:

(35) Ах, просил, но не получил? Вيني себя, олух, значит, не научился строить предложения и правильно общаться со Вселенной. Это тебе не **мамочка**, выполняющая твои истерично-невнятные «хочу» и «дай» (О.А. Славникова. 2017 (2017)).

(36) А то ночка – не **мамочка** (Вас. Быков. Утро вечера мудренее (1966)).

8. Тенденции в развитии вторичного употребления слова *мамочка*

На основе выделенных типов значений каждому вхождению лексемы *мамочка* в выборке был присвоен соответствующий тип. Рисунок 2 иллюстрирует распределение вхождений по выделенным значениям.

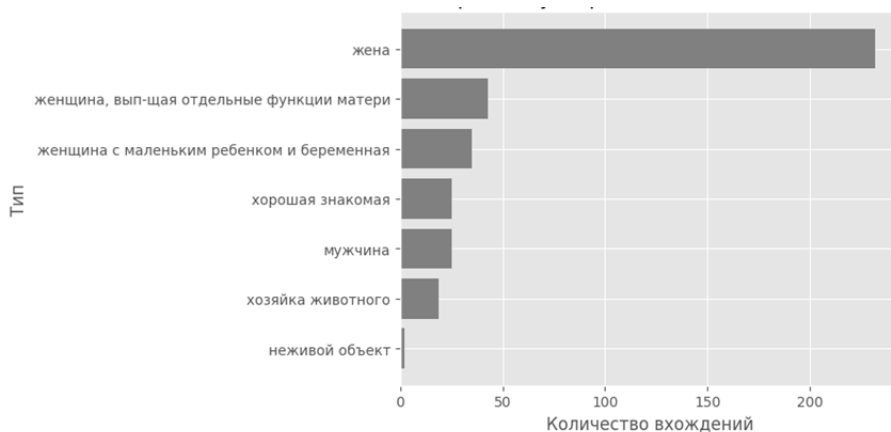

Рис. 2. Распределение вхождений вторичного употребления слова «мамочка»

Сопоставление полученных результатов позволяет выявить те значения, которые встречаются регулярно, более того – могут проявляться как в ситуации обращения, так и в референтной функции, что может свидетельствовать об их вхождении в семантическое ядро вторичного употребления слова *мамочка*. К ним относятся обращения к *жене*; *женщине, выполняющей функции матери*; *беременной или роженице*.

Динамика использования лексемы *мамочка* в хронологическом аспекте позволяет выявить ряд тенденций. В первую очередь, это регулярность сдвига, связанного с номинацией жены. На рисунке 3 проиллюстрировано распределение текстов из размеченной выборки по типам употреблений в хронологическом разрезе. Можно заметить, что примеры текстов со вторичным употреблением лексемы *мамочка* по отношению к жене встречаются почти в каждом десятилетии. Схожим образом номинацию по отношению к хорошей знакомой и женщине,

которая выполняет отдельные функции матери (*приемная мать, мачеха, опекун* и пр.), можно наблюдать на протяжении практически всего описываемого периода.

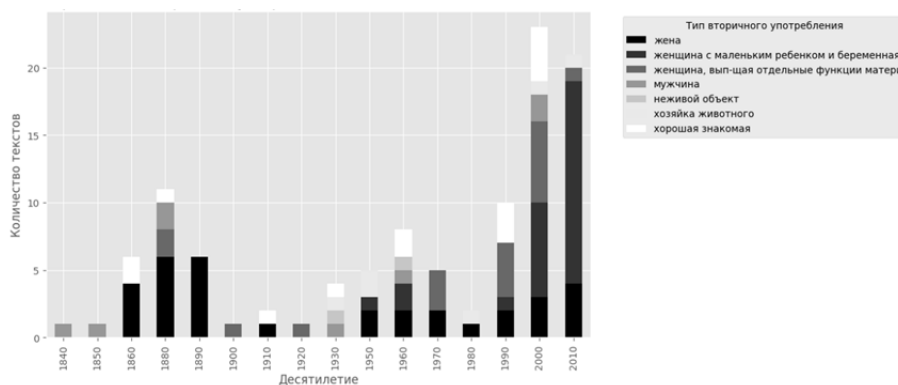

Рис. 3. Распределение текстов из размеченной выборки по типам вторичных употреблений и по десятилетиям

Интересно, что вторичная номинация по отношению к женщинам с маленьким ребенком или беременным женщинам, по-видимому, является более поздним явлением, за исключением двух примеров из 1960-х годов, которые принадлежат одному произведению. Начиная с 1990-х годов можно увидеть возрастающее количество произведений с этим типом употребления как в апеллятивной, так и в референтной функции.

Использование лексемы *мамочка* по отношению к мужчинам можно считать, скорее, устаревшим. Хотя примеры апеллятивных употреблений можно встретить и в 1950–1960-х годах, основное количество употреблений приходится на период до 1910-х годов. Использование лексемы *мамочка* по отношению к неодушевленным предметам, по всей видимости, носит окказиональный характер.

9. Заключение

Итак, содержание слова *мамочка* во вторичном употреблении можно свести к системе значений, в которой так или иначе отражаются различные аспекты стереотипного представления о материнстве. Простейшим шагом к расширению значения становится использование описываемой лексемы по отношению к женщине, которая выполняет функции матери — в этом случае в семантике сохраняются отношения «мать — ребенок», но эти отношения воображаемые, так как из значения исчезает идея родства.

Далее семантика слова *мамочка* трансформируется в двух направлениях. В первом случае возникает значение «женщина с маленьким ребенком», в котором сохраняются все компоненты, кроме родства по отношению к наблюдателю — некто называет женщину *мамочкой*, актуализируя ее связь с ребенком. В этом случае фигура ребенка становится ключевой для идентификации *мамочки*, а активное проявление

заботы женщины во взаимодействии с представителями различных структур (учителями, врачами) влияет на статус ребенка — независимо от реального возраста он предстает в роли младенца.

Во втором случае происходит перенос стереотипных представлений о матери на неживые объекты, среди которых обычно фигурируют слова женского рода, что облегчает совершение переноса. Кроме того, «как бы мамой» может стать и хозяйка по отношению к домашнему питомцу, что является результатом самоидентификации: животное выступает в качестве безмолвного существа и является транслятором субъективной человеческой картины мира: человек говорит как бы от лица собаки.

Мы также встречаем использование слова *мамочка* для обозначения «матери детей» в семейном общении, которое затем переходит к обозначению хорошей знакомой и, шире, к обозначению ласковости «сверху вниз». В пространстве семейного общения наблюдается явление эхо-эффекта, или отзеркаливания, когда признаки *мамочки* переносятся на мужа или детей.

Описанная схема носит статичный характер и учитывает степень трансформации первичного инвариантного значения слова *мамочка*. Не менее интересным представляется диахронический аспект описания, который показывает регулярность сдвига в использовании слова *мамочка* для номинации жены и женщины, выполняющей некоторые функции матери. Динамика вторичных употреблений показывает постепенное угасание употребления для номинации мужчин и актуализацию значения «женщина с ребенком» в наши дни.

Разного рода индивидуальные расширения представлений о *мамочке* влияют на целостность семантической структуры описываемой лексемы, привносят разнообразие интерпретаций смысла во вторичном употреблении и, в конце концов, формируют несколько конкурирующих денотатов, связанных с одним языковым знаком.

Эта работа является первым шагом к изучению поля терминов родства и было бы целесообразно продолжить ее сравнением с лексемами *мать*, *маменька*, *мамуля*, *матушка*, а также с другой стороны — *папочка*, *папенька* и другими.

В данной научной работе использованы результаты Большого проекта «Речевые практики российского общества», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

Список литературы

Бобрин М. А. Механизмы прагматикализации в истории русской формулы прощания *счастливо!* // Вопросы языкознания. 2021. №1. С. 70–83.

Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

Бураас М. М., Кронгауз М. А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика // Вопросы языкознания. 2013. №2. С. 121–131.

Виноградова Е.Н. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог *по*) // Вопросы языкознания. 2023. №1. С. 54–87.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп. ; изд. под ред. [и с предисл.] И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб. ; М., 1911. Т. 4.

Ефремова Т.Е. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.05.2023).

Ежегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М., 1997.

Перехвальская Е.В. Этнолингвистика. М., 2016.

Словарь русского языка : в 4 т. АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 4.

Сулимова Т.С. От наречия – к прагматическому маркеру: этапы прагматикализации единицы чисто в русской устной речи (корпусное исследование) // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума / отв. ред. Л.В. Ухова. Ярославль, 2019. С. 448–455.

Сяоли С. Слово *самый* в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация и прагматикализация) // Русская речь. 2022. №2. С. 7–23.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова : в 4 т. М., 1940. Т. 4.

Толковый словарь русской разговорной речи / под ред. Л.П. Крысина. М., 2014. Вып. 2 : К–О.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1997. №35. С. 351–379.

Шилихина К.М., Ткач И.А. Дискурсивный маркер «то бишь»: пример ранней прагматикализации и современное функционирование // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №3. С. 54–62.

Fashola J.O. Reawakening African Cultural Practices towards Global Harmony: Role of Kinship // Review of Arts and Humanities. 2014. Vol. 3, №2. P. 101–113.

Kinnison L. Q. Power, integrity, and mask – An attempt to disentangle the Chinese face concept // Journal of Pragmatics. 2017. №114. P. 32–48.

Salifu N.A. Signaling politeness, power and solidarity through terms of address in Dagbanli // Nordic Journal of African Studies. 2010. №19. P. 274–292.

Об авторах

Максим Анисимович Кронгауз, доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: mkrongauz@hse.ru

ORCID: 0000-0003-2956-0565

Ксения Сергеевна Клокова, младший научный сотрудник, Московский физико-технический институт, г. Долгопрудный, Россия.

E-mail: kloкова.ks@mipt.ru

ORCID: 0000-0002-6650-1946

Валерий Александрович Шульгинов, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Московский физико-технический институт, г. Долгопрудный, Россия; ведущий научный сотрудник, национальный исследовательского университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: vshulginov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-2217-3677

Татьяна Александровна Юдина, младший научный сотрудник, Московский физико-технический институт, г. Долгопрудный, Россия.

E-mail: yudina.tatiana.a@mipt.ru

ORCID: 0000-0001-6631-2128

Для цитирования:

Кронгауз М. А., Клокова К. С., Шульгинов В. А., Юдина Т. А. Трансформация семантики мамочки: от жены до пушки // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 105 – 124. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-6.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SEMANTIC TRANSFORMATION OF THE NOUN МАМОЧКА:
FROM 'WIFE' TO 'CANNON'

M. A. Krongauz^{1,2}, K. S. Kloкова³, V. A. Shulginov^{1,3}, T. A. Yudina³

¹ National Research University Higher School of Economics,

1 Pokrovsky Blv., Moscow, 109028, Russia

² Russian State University for the Humanities,

6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia

³ Moscow Institute of Physics and Technology,

9 Institutskiy per., Dolgoprudny, Moscow Region, 141701, Russia

Submitted on 19.05.2023

Accepted on 10.07.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-6

In the semantic theory of Gottlob Frege, the content of a linguistic sign is determined by the connection between the meaning and a set of subjective perceptions that form the meaning. Our study aims to reveal the influence of individual perceptions of the meaning on the extension of the semantic structure of a word, using the kinship term 'mamochka' as an example. The article focuses on instances where the word 'mamochka' is used in fiction and, to some extent, Internet texts. The article examines cases spanning from the 1840s to the 2010s to explore the secondary usage of the term. The corpus, comprising a total of 2,192 cases, was carefully collected and annotated. Out of these cases, 362 examples were identified as instances of secondary usage. Each example was analyzed and categorized based on its type of use, including appellative (address), referential, or interjective use. Furthermore, for the secondary instances, the type of the meaning was also marked for accurate classification and analysis. The study delineated the semantic structure of the word 'mamochka' based on its various uses. Common meanings encompassed appellative and referential usages, denoting a wife, a woman fulfilling maternal roles, or a woman with a young child. Additionally, unique mean-

ings emerged for specific contexts, such as a friend, a man, a non-living object, or even the caretaker of an animal. The investigation also uncovered systemic connections among these meanings, along with the dynamic transformations they underwent over time in the diachronic aspect.

Keywords: kinship terms, semantics, pragmaticalization, secondary usage, appellatives, meaning

The study uses the results of the project "Discourse Practices across Professional, Cultural, and Social Groups", carried out within the framework of the Programme of Fundamental Research of the National Research University Higher School of Economics in 2023.

References

- Bobrik, M. A., 2021. Pragmaticalization mechanisms in the history of the Russian farewell formula *sčastlivo!* *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 70–83, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.70-83> (in Russ.).
- Buras, M.M. and Krongauz, M. A., 2013. Terms of address in Russian family etiquette: Semantics and pragmatics. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 121–131 (in Russ.).
- Dal, V.I., 1911. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. Vol. 4. 3d ed. St. Petersburg; Moscow (in Russ.).
- Efremova, T.E., 2000. *Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation Dictionary]. Moscow (in Russ.).
- Evgen'eva, A.P., ed., 1984. *Slovar' russkogo jazyka: V 4-kh t.* [Russian Language Dictionary: In 4 volumes]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).
- Fashola, J.O., 2014. Reawakening African Cultural Practices towards Global Harmony: Role of Kinship. *Review of Arts and Humanities*, 3 (2), pp. 101–113.
- Frege, G., 1997. Sense and Denotation. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], 35, pp. 351–379 (in Russ.).
- Kinnison, L. Q., 2017. Power, integrity, and mask – An attempt to disentangle the Chinese face concept. *Journal of Pragmatics*, 114, pp. 32–48, <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.03.015>.
- Krysin, L.P., ed., 2014. *Tolkovyj slovar' russkoi razgovornoj reči* [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).
- Kuznetsov, S.A., ed., 1998. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka: A – Ya* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language: A – Z]. St. Petersburg (in Russ.).
- Natsional'nyj korpus russkogo jazyka [The Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 11 May 2023].
- Ozhegov, S.I. and Shvedova, N. Yu., eds., 1997. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow (in Russ.).
- Perekhval'skaya, E., 2016. *Etnolingvistika* [Ethnolinguistics]. Moscow (in Russ.).
- Salifu, N.A., 2010. Signaling politeness, power and solidarity through terms of address in Dagbanli. *Nordic Journal of African Studies*, 19, pp. 274–292, <https://doi.org/10.53228/njas.v19i4.198>.
- Shilikhina, K.M. and Tkach, I.A., 2020. The Russian discourse marker “to bish” (“that is”): early pragmaticalization and modern usage. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 3, pp. 54–62, <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2933> (in Russ.).
- Sulimova, T.S., 2019. From Adverb to Pragmatic Marker: Stages of the Pragmaticalization of the Unit Purely in Russian Oral Speech (corpus research). In: L. V. Ukho-

va, ed. *Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma* [Russian Grammar: Active Processes in Language and Speech: Proceedings of the International Scientific Symposium]. Yaroslavl, pp. 448 – 455 (in Russ.).

Ushakov, D.N., ed., 1940. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

Vinogradova, E.N., 2023. Grammaticalization, lexicalization, and pragmaticalization: Russian constructions with the preposition *PO*. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 54 – 87, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.1.54-87> (in Russ.).

Xiaoli, S., 2022. The Word *Samyj* in the Light of Active Processes of Russian Speech (Grammaticalization, Idiomatization and Pragmaticalization). *Russkaya Rech'* [Russian Speech], 2, pp. 7 – 23, <https://doi.org/10.31857/S013161170019839-1> (in Russ.).

The authors

Dr. Maksim A. Krongauz, Professor, Head of Laboratory, National Research University Higher School of Economics, Russia; Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: mkrongauz@hse.ru

ORCID: 0000-0003-2956-0565

Ksenia S. Klokova, Junior Research Associate, Moscow Institute of Physics and Technology, Russia.

E-mail: klokova.ks@mipt.ru

ORCID: 0000-0002-6650-1946

Dr. Valery A. Shulginov, Leading Researcher, Moscow Institute of Physics and Technology, Russia; Leading Researcher, National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: vshulginov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-2217-3677

Tatiana A. Yudina, Junior Researcher, Moscow Institute of Physics and Technology, Russia.

E-mail: yudina.tatiana.a@mipt.ru

ORCID: 0000-0001-6631-2128

To cite this article:

Krongauz, M.A., Klokova, K.S., Shulginov, V.A., Yudina, T.A., 2023, Semantic transformation of the noun *mamochka*: from 'wife' to 'cannon', *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 105 – 124. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-6.

